

ПОЛЕВАЯ ЭТНОГРАФИЯ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

П.Л. Белков

«ДЕШИФРОВКА» МУЗЕЙНЫХ КАТАЛОГОВ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX вв. И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗ РАННИХ ПОСТУПЛЕНИЙ МАЭ

На предыдущих Радловских чтениях нами был уже затронут вопрос, связанный с пониманием некоторых статей из документа «Опись вещам, привезенным из Камчатки майором Бемом 1780 года» («Опись Бема»). Термин «дешифровка» употреблен нами в заглавии статьи неслучайно. Основная проблема состоит в том, чтобы проникнуть в смысл наименований вещей в старинных каталогах, понять, какие предметы или классы предметов стоят за теми или иными из них.

Во-первых, это связано с изменением значений слов в современном языке, многие из которых в настоящее время вообще вышли из употребления. Некоторые слова, встречающиеся в старинных реестрах, часто не учтены даже в фундаментальных изданиях, специально посвященных словарному составу русского языка той эпохи. Во-вторых, сами вещи, принадлежащие традиционной культуре Океании, с трудом поддаются европейской классификации, поэтому составителям каталогов приходилось подыскивать наиболее близкие, как им казалось, аналоги в европейской материальной культуре. Такие уподобления, может быть очевидные для человека, жившего в конце XVIII или начале XIX в., во многих случаях являются совершенно чуждыми представлениям нашей эпохи. Не говоря уже об отсутствии точной фиксации назначения описываемых предметов и лапидарности стиля их описания. Давая определение вроде «продолговатая палица», «узкая палица», «меч», «сабля» и пр., собиратель или служитель музея невольно не только подменял функцию предметов, но и смешивал в одну группу предметы, имеющие принципиально различные функции. Перечисленные обстоятельства накладывают существенное ограничение на использование метода прямого подбора при сопоставлении списков с имеющимися в наличии предметами.

Существенным подспорьем при «чтении» старинных списков являются этикетки на предметах. Однако и здесь обнаруживается немало подводных камней. С одной стороны, на предметах сохрани-

лось не так много этикеток для выделения целых рядов, в которых можно узнать тексты известных каталогов, с другой — либо существующие каталоги не имеют собственной нумерации, либо само существование такого рода каталогов остается под вопросом. Причем довольно часто бывает даже трудно определить, с какой ситуацией мы сталкиваемся: с отсутствием списка или с нашей неспособностью распознать в давно известном списке искомый каталог. Для этого необходимо, по меньшей мере, датировать имеющиеся списки, что само по себе является серьезной проблемой.

Наконец, опыт изучения музейных документов обоих типов, каталогов и этикеток, номерных или текстовых, показывает, что при изготовлении этикеток нередко допускались ошибки. Этикетки, соответствующие одним предметам, наклеивались или навешивались на «чужие» предметы. А поскольку при обновлениях каталогов предметы из списка в список переносились группами, ошибка при идентификации одного предмета автоматически распространяется на весь ряд, разрушая установившуюся последовательность. Объединив все это вместе, мы получим комбинаторную задачу, сложность которой измеряется возведением в n -ную степень.

Все это, конечно, не означает, что проблема, стоящая перед нами, неразрешима в принципе. Каждая из задач, выступающих в качестве составных элементов проблемы в целом, имеет свое стандартное решение, связанное с различными формами внешней и внутренней критики музейных или архивных документов. Информация, которую нельзя извлечь непосредственно, т.е. простым считыванием данных со старинных списков, может быть получена путем их анализа по тем или иным признакам с привлечением внешних данных: этнографических, географических, исторических. Надо только помнить о системном подходе, который в нашем случае находит свое абсолютное выражение в идее равенства идентификации каждого отдельного предмета и всей совокупности поступлений в рассматриваемый период. Следовательно, в качестве «генерального списка» предметов выступает вся совокупность каталогов, реестров, ведомостей, журналов, описей и т.п., имеющих какое-либо отношение к этой эпохе в истории МАЭ.

На практике изучение музейных источников начинается с некоторых основных документов, которые в силу определенных исторических обстоятельств, например времени появления или сквозного характера содержания, естественным образом занимают ключевое положение в исследованиях.

Низкий коэффициент полезного действия метода прямого подбора подтверждается фактом существования документа под названием «Ведомость Редкостям, отданным из Музеума бывшего Госу-

дарственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук» (в дальнейшем «Ведомость редкостям»). Под заголовком стоит дата: «1826 года Генваря дня» (число пропущено. — П.Б.). Она явно противоречит фактам, так как императорский указ о передаче этнографических, нумизматических и естественно-научных коллекций Музеума в Академию наук вышел только 19 октября 1827 г.

До 2005 г. «Ведомость редкостям» не имела архивного номера и неопределенно долгое время, по крайней мере с начала XIX в., хранилась в различных отделах МАЭ, в разное время курировавших коллекции по Австралии и Океании. Данный список был известен многим поколениям исследователей. Однако до сих пор в силу указанных причин и прежде всего примитивности метода подбора форму документального доказательства удалось придать идентификации очень небольшого числа предметов. Ничтожность результатов тем более поразительна, что работа в этом направлении и этим методом ведется уже полтора столетия начиная с середины XIX в.

«Ведомость редкостям» существует в трех списках, которые, вероятно, в начале XX в. были помечены карандашом, соответственно: Экз. 1, Экз. 2, Экз. 3 [Отдел учета и хранения МАЭ РАН, ф. К–IV, оп. 1, № 16 / 1, 2, 3]. Не имея достаточного места для раскрытия системы наших умозаключений, основанных на сличении почерков, орфографии, содержания пометок и изучении сопутствующих архивных документов, приведем только результаты относительной датировки этих списков. Наиболее ранним, по всей видимости, представляющим собой оригинал документа, является Экземпляр № 2. Этот список датируется началом 1828 г. Его создание связано с моментом передачи вещей, поступивших из Адмиралтейского департамента, на хранение отдельным лицам. Экземпляр № 1 относится к середине XIX в., возможно, не ранее конца 1850-х гг. Самым поздним временем, концом XIX в. (вероятно 1880-ми гг.) можно датировать Экземпляр № 3. Появление двух копий в середине и конце XIX в. объясняется попытками разгадать «Ведомость редкостям»: сначала хранителем Этнографического музея Л.Ф. Радловым, затем Ученым хранителем Музея антропологии и этнографии Ф.К. Руссовым. Об этом мы можем судить не только по пометкам интерпретирующего характера, но и по различию почерков нумерации статей (оригинальный список не имеет собственной нумерации).

На оригинале списка (Экземпляр № 2) рукой Ф.К. Руссова карандашом сделаны многочисленные подписи к предметам. Над строкой «Веер для обмахивания мух один» надпись: «Капит. 2 р. Головин 1819», над строкой «Масок Ситхинских жителей двенадцать» надпись «5. К.л. Повалишин и Лисянский 1806», на свободном мес-

те в конце строки «Тюленьих шкур, служащих вместо поплавков шесть» есть надпись «К.Л. Хрущов 1824 г.». Вероятно, нет необходимости приводить все подобные надписи. Достаточно перечислить имена и годы в порядке появления в тексте: «Капитан 2 р. Головнин 1819 г.», «Кап. Лейт. Повалишин и Капитан Лисянский 1806», «Кап. Лейт. Гагенмейстер в 1819», «К. Л. Лазарев 1822», «Капитан Коммандор Беллинсгаузен в 1821 году», «К.Л. Хрущев 1824 г.», «Найдено у Лейт. Завалишина в 1826 г.» (Список вещей, найденных в квартире Д.И. Завалишина при обыске в 1826 г. — П.Б.), «Кап. Лазарев 1824», «Штаб-лекарь Штейн в 1822 году». Датировать пометки Руссова позволяют две записи на память. На последнем листе читаем: «NB Обратиться за справками в Главный Морской Штаб к Начальнику Морского Штаба Ген. Адм. Оскару Карловичу Кремеру. И ниже: «Начальник Архива Морского Мин^{ства} Чубинский». Согласно «Общему морскому списку», О.К. Кремер исполнял должность начальника Главного Морского штаба в 1888–1896 гг. В. Чубинский заведовал архивом Морского министерства в 1880-х гг.

Несколько слов о структуре «Ведомости редкостям». Как таковой список предметов делится на несколько частей, которые можно объединить в соответствии с двумя разрядами вещей: этнографических и зоологических. Этнографические вещи, точнее наименования статей списка, классифицируются по региональному принципу: «Сандвичевы острова», «Острова Отаити», «Новой Гвинеи», «Острова Маркиза Мендозы и Вашингтоновы», «Острова Суматры», «Опасного архипелага», «Островов Пенринских», «Островов Графа Румянцова», «Островов Общества», «Островов Дружества», «Островов Фиджи, Оно, Анны и прочих», «Островов ново-гебридских», «Новой Зеландии», «Китайские», «Японские», «Татарские», «Нового Альбиона», «Алеутские острова», «Разных островов Восточного Океана». Зоологические вещи группируются по классам животных (хотя данная схема не всегда выдерживается): «По классу млекопитающих животных», «По классу птиц», «По части Зоологии». В последний раздел помимо чучел млекопитающих и птиц входят пресмыкающиеся, ракообразные, моллюски (раковины), кораллы и насекомые.

«Ведомость редкостям» имеет свою историю. Первый по времени документ с идентичным названием недавно был найден автором статьи в РГА ВМФ. На титульном листе стоит «1828 года Генваря 26 дня» [РГА ВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 127, л. 11]. Теперь мы знаем точную дату, когда был подписан акт передачи этнографических вещей из Музеума Адмиралтейского департамента в Академию наук. Можно было и раньше догадываться, что дата, поставленная на «Ведомости редкости» из МАЭ, представляет собой ошибку переписчика.

Но до сих пор были известны документы, которые указывали время передачи вещей из Адмиралтейского департамента в Академию лишь косвенным образом, по контексту переписки между ведомствами и инстанциями до или после того, как состоялся официальный акт приема вещей. Например, в журнале Этнографического музея есть выписка из заседания Конференции Академии от 7 ноября 1827 г. На этом заседании зачитывалось извлечение из «формы» Комитета Правления Академии с копией Предложения Президента, касавшегося императорского рескрипта от 19 октября 1827 г. [МАЭ РАН, ф. К-IV, оп. 1, папка 1, л. 54 об.]. В записях Журнала за 1828 г. упоминается выписка протокола заседания Конференции (от 5 марта 1828 г.), на котором читали отношение Комитета Правления по поводу копии «каталога вещей из Музея бывшего Адмиралтейского департамента, которые по высочайшему указу были переданы в Академию» [МАЭ РАН, ф. К-IV, оп. 1, папка 1, л. 54 об.]. Три экземпляра упомянутой копии, тоже с ошибочной датой «1826 год», хранятся в ПФА РАН [ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1827, д. 4, л. 29-72 об.].

Следует подчеркнуть, что по своей структуре «Ведомости редкостей» из РГА ВМФ и ПФА РАН отличаются от «Ведомости редкостей» из МАЭ, поскольку во второй части этих списков значатся не естественно-научные, а нумизматические коллекции, монеты и медали. Естественно-научные коллекции, поскольку они с 1825 г. были выделены в Кабинет естественной истории внутри Музеума, передавались «комиссии, присланной от Академии наук», отдельно 23 января 1828 г., по особому указу «Списку примечательнейших экзотических предметов Естественной истории, хранящихся в Музеуме бывшего Адмиралтейского Департамента по зоологической и ботанической части» [ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1827, д. 4, л. 73-76]. Выходя за рамки настоящей статьи, заметим, что изменение структуры «Ведомости редкостей» связано с процессом распределения обязанностей по хранению переданных вещей уже внутри Академии.

Однако история «Ведомости редкостей» в ретроспективном плане имеет еще одно продолжение. Речь идет о документе, который стал известен этнографам лишь с недавнего времени и по которому в сентябре 1825 г. вещи Музеума принимал Н.А. Бестужев: «Ведомость когда и в каком виде, оказавшиеся при освидетельствовании наличцо, после умершего чиновника 6го класса Глотова, в Музеуме относительно модель каморы, разного рода вещи, по силе Указа сего Департамента от 16 июля сего года за № 782^м, сданы Учрежденною на то Коммисиею, флота Капитану Лейтенанту и Кавалеру Николаю Бестужеву» [РГА ВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 1207, л. 69-186]. В этом документе (в дальнейшем его можно называть «Ведомостью Бестужева», хотя Бестужев подписывал уже готовый список) выделено не-

сколько разделов в порядке приема вещей с 7 по 27 сентября 1825 г.: «Модели», «Чертежи», «Оружия, рукоделия и наряды Диких народов», «Картины», «Медали», «Монеты». Часть этого документа, озаглавленная как «Оружия, рукоделия и наряды Диких народов» [РГА ВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 1207, л. 150–160 об.], является неоспоримым доказательством принадлежности большого ряда вещей, ныне хранящихся в МАЭ, к коллекциям Музеума Адмиралтейского департамента.

Раньше при решении этой проблемы исследователи полагались либо на «Ведомость редкостям», сравнивая внешний вид вещей из старинных поступлений в МАЭ с наименованиями статей этой Ведомости, либо на печатные номерные и соответствующие им текстовые этикетки особого типа, написанные от руки, которые сохранились на многих океанийских и американских предметах. Такие этикетки с незапамятных времен считались «этикетками Адмиралтейского музея» (см. опись Е.Л. Петри). Вероятно, в те времена связь между вещами и этикетками, *т.е. поступлениями и местами хранения*, была еще настолько очевидной, что при регистрации коллекций в конце XIX — начале XX в., когда этикетки снимались с предметов и клеивались в карточки или описи, сотрудники МАЭ даже не сочли необходимым приводить специальные доказательства.

В настоящее время делаются попытки воспользоваться этим пробелом. Например, Л.А. Иванова утверждает, что «узкие этикетки со знаком «No.» и точкой после числа» вовсе не являются, как считается в МАЭ, этикетками Музея Адмиралтейского департамента» [Иванова 2005: 162–164]. Это опровержение серьезно искажает историю ранних поступлений МАЭ и, как следствие, обесценивает научное и историческое значение созданных на их основе коллекций.

Помимо «Ведомости Бестужева» существует множество способов документального доказательства того, что «узкие» этикетки являются этикетками Музеума Адмиралтейского департамента, стоит лишь, например, обратиться к фондам РГА ВМФ, хотя в рассматриваемом отношении данный документ по своей ценности превосходит все другие источники вместе взятые. Собственной нумерации «Ведомость Бестужева» не имеет, но уже в архиве, в самом процессе переписывания этого документа, становится видно, что наименования многих статей полностью совпадают с текстами так называемых «этикеток Адмиралтейского музея». Правда, здесь возникает другое «но». Подстановка порядковых номеров статьей обнаруживает несовпадение с номерами данного типа этикеток. Объясняется это тем, что статьи данного каталога являются элементами описания коллекций, т.е. каталогизации в строгом смысле слова, что подразумевает классификацию предметов по функции, форме, географической принадлежности или источнику поступления.

Напротив, этикетки (номера и тексты) являются элементом учета вещей. Они изготавливались отдельно к каждому предмету или, в некоторых случаях, к группе однородных предметов, индивидуация которых считалась задачей второстепенной (например, стрелы). Только приняв во внимание этот момент, мы получим нумерацию, повторяющую ряд номерных этикеток со значком «№» и соответствующих им текстовых этикеток. Надо только иметь в виду, что открытие этнографами «Ведомости Бестужева» само по себе не решает проблему идентификации отдельных предметов. Пока можно говорить только об идентификации статей «Ведомости Бестужева» с этикетками Музеума Адмиралтейского департамента в МАЭ, поскольку в некоторых случаях этикетки оказывались *не на тех* предметах.

Не сразу бросается в глаза и тот факт, что «Ведомость редкостей» почти полностью унаследовала содержание описи Бестужева. Различие состоит в способе группирования наименований предметов. Можно сказать, что «Ведомость редкостей» — это перевернутая или вывернутая наизнанку «Ведомость Бестужева». Последняя была построена в соответствии с местами хранения и временем поступления коллекций, причем в наименования многих статей этой описи входит географическое происхождение предмета, вроде: «Оружие Маркизских островов одно», «Копье с Сандвических островов одно» и пр. Руководствуясь этими подсказками, члены Комиссии для освидетельствования и сдачи Музеума при составлении «Ведомости редкостей» просто напросто «перекроили» опись Бестужева. За основу был взят географический принцип, так что разделы располагаются в порядке упоминания географических названий в «Ведомости Бестужева». Это было сделано во исполнение известной резолюции генерал-гидрографа Г.А. Сарычева, которую читали на заседании Комиссии Колодкина 19 декабря 1827 г.: «Чтобы каталоги редкостей составить с возможною подробностью, означая наименование вещей, равно места и народов, где вещи сии употребляемы; а буде возможно, то показать, кем и когда доставлены в Музеум; ибо без такового описания одни формы орудий, одежд и прочее недостаточных удовлетворит любопытство зрителей» [РГА ВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 1207, л.300 об.].

«Ведомость редкостей» отвечает всем требованиям Сарычева, включая необходимость указания, «кем и когда» предметы были доставлены в Музеум. О связи «Ведомости Бестужева» с «Ведомостью редкостей» свидетельствует и пометка карандашом на листе, открывающем список «Оружия, рукоделия и наряды Диких народов» (вверху, справа): «26 Генваря» [РГА ВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 1207, л. 150]. Почерк и орфография этой надписи не оставляют сомнений

в том, что она поставлена в момент передачи вещей из Адмиралтейского департамента в Академию наук, 26 января 1828 г. Таким образом, дата «26 января 1828 г.» повторяется, по крайней мере, уже во втором документе.

Продолжая сопоставление «Ведомости Бестужева» с номерами и текстами на этикетках этого типа, можно заметить еще одну закономерность. Данная система учета охватывает только те коллекции, которые поступили в Музей в 1806–1819 гг. Этикетка с наибольшим номером («No. 212.») находится на предмете 2868–221 («маута для стрел»), который в «Ведомости Бестужева» соответствует статье «Лук Новаго Альбиона и при нем три стрелы один», т.е. к поступлению 1819 г. от Л.А. Гагенмейстера [РГА ВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 1207, л. 69–186]. Следовательно, скорее всего «узкие» этикетки со значком «No.» появились в 1819 г.

Отсутствие «узких» этикеток на предметах, появившихся в Музее в 1819 г., позволяет датировать печатные номерные этикетки «квадратного» типа («белые» этикетки, по терминологии Е.Л. Петри). Анализ показывает, что ряд «белых» этикеток соответствует сумме всех вещей, которые упомянуты в «Ведомости редкостям» и в «рописках» о получении предметов, отданных в Музей Морского кадетского корпуса и Музей при библиотеке Черноморского департамента [РГА ВМФ, 215.1.771, л. 5–6; 772, л. 3–4].

Именно при передаче вещей в эти два учреждения впервые была опробована «географическая» схема, по которой позднее составлялась «Ведомость редкостям». Общего списка предметов на 1827 г., предшествовавшего этим трем документам, с соответствующей «белым» этикеткам нумерацией, возможно, никогда не существовало. Их изготовление было продиктовано задачами чисто инвентаризационного характера. Если составить таблицу соответствий («вещь — этикетка»), можно заключить, что в основу данного ряда было положено сочетание, точнее — смешение сразу нескольких принципов: время поступления, источник поступления, функция и форма, фактическое расположение вещей в комнатах Музеума. Но главенствующей была классификация по географическому происхождению. Следовательно, «рописки» 1827 г. повторяют систему классификации коллекционных предметов, которая к тому времени уже существовала в Музее.

Именно в этот момент этнографические коллекции Музеума были разделены на две большие части — океанийскую и американскую. Примечательно и то, что изготовление «белых» этикеток, видимо, по случайному совпадению, прекратилось на границе между океанийскими и американскими вещами (на новозеландской резной скульптуре 736–119 находится «белая» этикетка с самым большим номером: 455).

Прекращение изготовления «белых» этикеток совпадает с началом передачи вещей в Морской кадетский корпус и Черноморский департамент. Это означает, что в результате исключения из прихода нескольких десятков вещей, на которые уже были наклеены этикетки, существующий цифровой ряд был разорван и дальнейшее продолжение работы с «квадратными» этикетками стало попросту бессмысленным. Кроме того, здесь становится понятно, почему на американских предметах МАЭ найдены только две «белые» этикетки: «74» (предмет 633–28), по «Ведомости Бестужева», это «Деревянная продолговатая чаша род корыта с Маркизских островов одна»; по «Ведомости редкостям» — «Ящик длинный род корыта один»; «75» (предмет 2539–16), по «Ведомости Бестужева», это «Мазка колошенская употребляемая при игрищах одна»; по «Ведомости редкостям» — «[Ящик] круглый наподобие черепахи»). Это как раз те американские предметы, которые в «Ведомости Бестужева» числились как океанийские («маркизские»). Таким образом, мы получаем возможность датировать появление «белых» этикеток началом 1827 г.

Введение в Музееме нового принципа учета в 1827 г. обусловило и тот факт, что последовательность «белых» этикеток лишь частично («периодами») повторяет последовательность нумерации «узких» этикеток и «Ведомости Бестужева», построенной на времени и источниках поступления, соответствующих местам хранения. Напротив, «Ведомость редкостям» в целом следует системе учета вещей Музеема, соответствующей «белым» этикеткам, хотя последовательность в нарастании номеров не всегда выдерживается, поскольку члены комиссии Колодкина по ходу дела нередко вносили собственные изменения в идентификацию предметов.

Таковы основные принципы «дешифровки» двух каталогов (1825 и 1828 гг.) и двух типов этикеток (1819 и 1827 гг.), относящихся к вещам, переданным в 1828 г. из Музеема Адмиралтейского департамента в собрание Академии наук. Конечно, «Ведомость Бестужева» попала в поле зрения этнографов совсем недавно, но «Ведомость редкостям» находится перед глазами исследователей более столетия точно так же, как и «белые» этикетки, вклеенные в опись коллекции № 736. Оба случая, один из которых кажется более простым, роднит то обстоятельство, что связь между наименованиями вещей в каталогах и этикетками, как и связь между самими каталогами, в конечном счете удаётся обосновать только опосредствованным («многоступенчатым») способом. История сопоставления «Описи Бема» с этикетками XVIII в., показавшего смещение нумерации списка относительно цифрового ряда, образуемого этикетками (см.: [Иванова 2005: 62–64]), подтверждает вывод о том, что метод взаимного наложения рядов

этикеток и наименований вещей в каталогах сам по себе не дает положительных результатов.

В целом процедура идентификации каталожных наименований с конкретными вещами из коллекций МАЭ подчас настолько сложна, что делает необходимым создание весьма пространственных текстов. Поэтому в заключение, не вдаваясь в подробности, мы поделимся некоторыми общими результатами и наблюдениями, которые нам кажутся наиболее интересными в плане повышения статуса ранних океанийских и отчасти американских коллекций МАЭ. Изучение «Ведомости Бестужева» и «Ведомости редкостям» дает возможность составить представление о составе коллекции капитана Г.С. Скотта, который в начале 1808 г. продал Музею Адмиралтейского департамента «собрание редкостей», частично составленное из этнографических вещей [РГА ВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 1139, л. 80–81].

К сожалению, два известных варианта списка предметов Скотта в описях Музеума (подлинный указ и подробный реестр вещам, если он был составлен, утрачены еще до 1825 г.) отличаются крайней лаконичностью: дважды упоминаются «орудия и разного рода вещи», один раз — «деревянный щит с деревянным при оном орудии из Новой Зеландии» [РГА ВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 1203, л. 20 об. 21 об.; д. 1128, л. 16–17]. Однако многие вещи капитана Скотта, если на них не сохранились этикетки «Адмиралтейского музея», довольно легко распознаются по наклеенным на них этикеткам с полустертыми надписями коричневыми чернилами на английском языке. Вещи с такими этикетками встречаются как среди американских, так и среди океанийских коллекций.

Путем сопоставления этикеток Музеума Адмиралтейского департамента, как «узких», так и «белых», с тем положением, которое в обоих каталогах занимают связанные с ними вещи, было выделено значительное число предметов из коллекции Скотта. Показательно, что при идентификации океанийских предметов их реальное географическое происхождение лишь в очень редких случаях соответствует местностям, указанным в «Ведомости Бестужева» и «Ведомости редкостям»: «Сандвичевы острова», «Новая Зеландия», «Отагити», «Фиджи», «Новая Гвинея», «Острова Маркиза Мендозы и острова Нукагива». На самом деле, среди предметов, атрибутированных посредством этих двух списков, под вышеупомянутыми названиями мы находим в основном австралийские, тонганские вещи или вещи с северо-западного побережья Северной Америки. В дополнение к этому изучение расположения «белых» этикеток в «Ведомости редкостям» в сочетании с обычной этнографической атрибуцией вещей позволило наметить ряд вещей, происходящих с островов Кука. Наконец, просто пе-

речитывая «Ведомость редкостям», можно увидеть то, на что до сих пор, кажется, не обращали внимание: упоминания о вещах с Новой Каледонии*. Поскольку русские корабли не посещали Новую Гвинею и Новую Каледонию, такие упоминания в каталогах или на этикетках на английском языке, когда речь идет о вещах из собраний Музеума Адмиралтейского департамента, несомненно указывают на коллекцию капитана Скотта.

Если теперь собрать сказанное о географии коллекции Скотта воедино, учитывая, что в русскую службу он перешел в 1783 г. (см. Общий морской список), вывод может быть достаточно ошеломляющим. По крайней мере, какая-то часть его коллекции имеет куковское происхождение. С этой точки зрения, особенно примечательно, что в ранних океанийских коллекциях МАЭ мы находим вещи с островов Гервей (Кука). По результатам исследований А.Л. Кепплер [Каерплер 1978: 165], подобных вещей именно из куковских путешествий нет ни в одном из музеев мира, те немногие, что имелись, в настоящее время не обнаружены.

* Сходным образом можно заключить, что в собраниях МАЭ есть вещи из экспедиции О.Е. Коцебу (1815–1818). Маршрут его плавания уникален, и следы этого плавания мы находим в «Ведомости редкостям»: «Острова Румянцева» (Маршалловы о-ва), «Опасный архипелаг» (о-ва Туамоту), «Пенринские острова» (Тонгарева). Существуют и вполне материальные следы: ряд вещей из коллекции № 736 атрибутируются как происходящие с Маршалловых о-вов, о-ва Туамоту, о-вов Самоа и, возможно, с о-ва Тонгарева. Вероятно, коллекция О.Е. Коцебу была передана в Адмиралтейский департамент без указа, затем забыта в результате царившей в те годы в Музеуме неразберихи и вновь возникла из небытия в результате передачи вещей в Академию наук, т.е. события, сыгравшие роль своего рода сплошной инвентаризации коллекций музеума Адмиралтейского департамента.

Иванова Л.А. Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры. М., 2005.

Kaeppler A.L. Artificial Curiosities // Bernice Museum Special Publication 65. Honolulu, 1978.

Е.В. Иванова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОДЕЖДЫ ТАЙСКИХ НАРОДОВ

В МАЭ имеются немногочисленные собрания одежды тайских народов, проживающих на территории материковой ЮВА и Южного Китая. Они дают далеко не полное представление об этой стороне культуры тайских этносов, но позволяют судить о разнообразии